Константин Симонов

в воспоминаниях современников

Константин Симонов

в воспоминаниях современников

Москва
Советский писатель
1984

8Р2
К 65

Составители:
Л. А. Жадова, С. Г. Караганова, Е. А. Кацева

Художник
Владимир МЕДВЕДЕВ

В книге в качестве иллюстративного материала, наряду с фотографиями последних лет, используются архивные и любительские, плохо сохранившиеся фотографии. Публикуя их, издательство стремится показать читателям редкий фотоматериал, представляющий несомненный исторический интерес.

В сборнике использованы фотографии из личного архива К. М. Симонова. Публикуются фото М. Бернштейна, Р. Богданова, Г. Зельма, В. Каратаева, А. Карзанова, О. Кнорринга, П. Маныча, В. Мастюкова, М. Пазия, В. Пескова, В. Саксаганской, В. Темина, И. Тофрякова, П. Трошкина, Е. Халдея, Я. Халипа, а также фотографии, авторство которых не удалось установить.

К $\frac{4702010200-183}{083(02)-84}$ 18—83

© Издательство «Советский писатель», 1984 г.

К. Симонов, А. Твардовский, Б. Шинкуба. Абхазия. 1969 г.

Баграт ШИНКУБА

ОН ЖИЛ У НАС

Впервые Константин Симонов приехал в Абхазию в самом начале 1948 года. В середине зимы этот солнечный край он выбрал не случайно. Ему хотелось забыться на некоторое время, отойти от столичной сутолоки, от напряженных редакционных дел (в ту пору он был редактором «Нового мира») и отдаться творчеству.

В Сухуми Симонов остановился в гостинице «Абхазия». «Погода тут хорошая, неслыханно тепло и солнечно. Начинаем устраиваться на новом месте...» — пишет он в Москву.

Настоящее знакомство Константина Симонова с Абхазией началось с Дмитрия Гулиа — основоположника, патриарха абхазской литературы. Он принял гостя с той редкой простотой, которой всегда отличался. Об этой встрече спустя не один десяток лет Симонов будет вспоминать: «С первых дней знакомства, а потом и душевной близости, этот край был связан для меня с именем и личностью Дмитрия Гулиа. Его дом стал для меня дверью в эту страну. В этом доме, построенном так, что, пожалуй, он был больше удобен для гостей, чем для

хозяев, часто бывало шумно, потому что сюда приходило много людей. Врачи считали, что даже слишком много. Хозяин считал, что нет».

С тех пор Константин Симонов приходил в этот гостеприимный дом как в свою родную семью, и встречали его здесь как сына.

А в доме Гулиа бывали почти все писатели, которые оказывались на Черноморском побережье Абхазии. Здесь бывали А. Фадеев, Н. Тихонов, В. Ажаев, Ар. Первенцев, К. Федин, Г. Табидзе, Г. Леонидзе, И. Абашидзе, Гр. Абашидзе, Р. Гамзатов, К. Кулиев и другие. Гости уезжали, но их здесь не забывали, долго о них вспоминали. В 1948 г. Симонов пишет Фадееву из Сухуми: «Во-первых, сердечный привет тебе, дорогой, и не только мой, но и еще кое от кого из здешних жителей, хорошо помнящих тебя и огорчающихся, что ты много лет не приезжал сюда. Например, самый сердечный привет тебе от стариков Гулиа, — я у них был, и они очень трогательно о тебе вспоминали».

Находясь на абхазской земле, К. Симонов, несмотря на то что был поглощен своей работой — для этого он, собственно говоря, и приезжал сюда, — считал своим писательским и человеческим долгом познакомиться с абхазской литературой, сблизиться с писателями Абхазии и по возможности оказать им помощь и поддержку.

Первые годы приездов Константина Симонова в Абхазию хронологически совпадают с годами, когда абхазская литература была в трудном положении.

Именно в эти годы он старался отбирать все лучшее, что было создано писателями Абхазии, для «Нового мира», для других изданий, познакомив таким образом с абхазской литературой всесоюзного читателя.

На страницах «Нового мира» публикуется цикл стихов народного поэта Абхазии Дмитрия Гулиа «Человек в горах», повести Георгия Гулиа «Весна в Сакене», «Кама», «Добрый город», «Черные гости».

Сам я впервые встретился с Константином Симоновым в 1948 году в Сухуми около гостиницы «Рица». Он шел туда обедать, а я случайно оказался рядом. Его спутники представили меня Симонову. Но знакомство наше ограничилось двумя-тремя фразами, поскольку я отказался от приглашения на обед.

В 1950 году я завершил работу над «Новыми людьми». Этот первый роман в стихах в абхазской литературе был опубликован в литературном альманахе и тепло принят читателями, хотя и страдал немалыми недостатками, большей частью порожденными общей для всей тогдашней советской литературы бесконфликтностью, которая мешала глубокому анализу жизненного материала.

Издать «Новых людей» отдельной книгой в Абхазии мне не удалось.

Я сделал подстрочный перевод и послал его в издательство «Советский писатель». Однако и здесь возникли препятствия, одолеть которые в одиночку не мог. Друзья посоветовали обратиться за помощью к Симонову, который тогда находился у нас. После долгих колебаний я направился в Гульрипши.

Это было осенью 1950 года. Константин Симонов встретил меня в своем небольшом рабочем кабинете. Фактически это и

К. Симонов и Г. Гулиа. 1954 г.

было нашим знакомством. Как только мы сели, чтобы начать беседу, неожиданно к даче подъехала машина, из которой вышли гости из Тбилиси и Сухуми. Пришлось прервать разговор, и гостеприимный хозяин пригласил нас к столу. После обеда мы пили у камина черный кофе. Симонов, очевидно, под впечатлением только что прочитанных им «Записок русского офицера», шутя сравнил себя с автором этих записок — бароном Торнау, который в тридцатых годах прошлого века под чужой фамилией собирал сведения об Абхазии.

— Торнау был разведчиком, а вы советский писатель, — вспылил я. Очевидно, тогда я был не в состоянии воспринять шутки.

— Смотри, какой обидчивый! — сказал Константин Михайлович и перевел разговор на другую тему.

Но моя несдержанность произвела неприятное впечатление на присутствовавших. Я возвращался из Сухуми на машине гостей. По дороге они, разумеется, не похвалили меня за мою вспыльчивость. Я очень переживал случившееся.

Но на другой день меня позвали к телефону (я тогда работал научным сотрудником института). Звонил Симонов. Он сожалел о несостоявшемся разговоре и сообщил, что завтра уезжает.

— Прошу вас все то, что вы хотели сказать мне, написать в письме и прислать в Москву, — сказал он.

Я написал Симонову письмо, к которому приложил мой подробный ответ рецензентам «Новых людей». Константин Михайлович попросил у издательства «Советский писатель» подстрочный перевод романа и прочитал его в самый короткий срок. Некоторое время спустя на имя директора издательства М. Корнева поступило письмо Константина Симонова. Он писал: «Я прочел подстрочник поэмы абхазского поэта Баграта Шинкубы «Новые люди». Как мне думается, подстрочник дает очень отдаленное представление об оригинале, однако при этом сразу видно, что поэма — явление незаурядное и по ее размаху, и по талантливости автора...» Константин Михайлович ставил вопрос о необходимости издания «Новых людей». Судьба моего романа была решена. Издательство «Советский писатель» включило его в свой план. И роман под названием «Мои земляки» вышел в переводе в 1953 году.

Это событие было для меня жизненно важным. Стало легче дышать, в Абхазии более или менее регулярно начали печатать мои произведения.

Насколько я помню, когда бы ни приезжал Константин Симонов к нам в Абхазию, он меньше всего отдыхал. Он много и плодотворно работал на своей даче в Гульрипши, но нередко выезжал в разные уголки Абхазии, встречался с самыми различными людьми. Абхазские застолья порой затягиваются надолго. Но Константин Михайлович, строго соблюдая обычай абхазского стола, терпеливо ожидал завершения. Как признавался сам Симонов, первое его «крещение» состоялось в моем родном селении Члоу — его туда пригласил в дом своего отца поэт Алексей Джонуа. Жители села Члоу до сих пор вспоминают эту встречу, тогдашний гость в одну ночь одолел одного за другим трех бывалых тамада, не нарушая этикета стола. Действительно, Константин Симонов настолько хорошо усвоил тонкости нашего застолья, что нам, местным писателям, трудно, а подчас и невозможно было сравниться с ним.

Где бы я ни был вместе с Симоновым — в Москве, Тбилиси, Ташкенте, Сухуми или в гостях у наших крестьян в селах Абхазии, — я всегда удивлялся, как легко он умел расположить к себе совсем незнакомых людей. Его всегда слушали с интересом. Но и он сам умел слушать своего собеседника. У него был какой-то неутомимый интерес к жизни, он любил людей и умел делать добро широко, щедро и бескорыстно.

Мир человеческих отношений всегда был сложен: одни подбирают друзей из «нужных людей» и легко прощаются с ними, когда те становятся ненужными. Такие люди быстро сходятся и так же быстро расходятся, не оставляя в душе друг друга никаких следов. Есть и другая категория людей — эти, наверно, пострашней. Они стараются приобщиться к славе широко известного человека. В это время они забывают зло,. которое причиняли ему раньше, беззастенчиво поют дифирамбы, дают клятву верности в дружбе, бессовестно лгут перед светлой памятью человека, которому причиняли боль и страдание. Таких людей Константин Симонов инстинктивно распознавал и сторонился, не открывал им своего сердца.

В 1957 году Константин Симонов оставляет Гульрипши — уезжает с семьей на несколько лет в Среднюю Азию. Прекращаются его ежегодные приезды в Абхазию, а его дача переходит к другому писателю. Примерно через год, осенью 1958 года, мы встретились в Ташкенте на Конференции писателей стран Азии и Африки. Это было у Театра имени Навои. Невдалеке от нас журчали фонтаны.

— Вообрази, что мы в Гульрипши и стоим у самого берега моря! — сказал Константин Михайлович, рукой показав мне на фонтан.

Он с любовью вспоминал Абхазию, друзей, незабывшиеся встречи с ними, хотел знать, что написали абхазские писатели за последние годы, снова с грустью вспомнил Гульрипши, куда приезжал ежегодно около десяти лет.

— Я, видимо, вернусь в Гульрипши. Уж слишком глубоко засело это местечко в моем сердце! — сказал он в заключение нашего разговора.

В июле 1960 года Симонов вместе с женой Ларисой Алексеевной и детьми приезжают в Гульрипши. Возобновились его ежегодные приезды в Абхазию. Он снимает комнаты у местной жительницы Евдокии Ивановны Игнатовой (все ее зовут «тетя Дуся») и по-прежнему живет в Гульрипши по нескольку месяцев. Мы, писатели Абхазии, рады, что Константин Симонов снова рядом с нами. В 1966—1967 годах Константин Михайлович по собственному проекту пристроил к дому тети Дуси рабочий кабинет. Он получился довольно просторным. Одно окно выходит на море, в

комнате слышен шум набегающих на берег волн. У окна стоит длинный письменный стол из стесанного бревна. На нем — диктофон, ручки, фломастеры. Когда приходят гости, стол выдвигается на середину комнаты и становится обеденным.

В этом кабинете Константин Симонов трудился более 15 лет. Здесь он писал трилогию «Живые и мертвые», подготовил дневники «Разные дни войны» к печати. Здесь у него бывали многие советские и зарубежные писатели: Федин, Горбатов, Кривицкий, Твардовский, Луконин, Алигер, Евтушенко, И. Абашидзе, Каладзе, Маргиани, Думбадзе, Н. Саррот из Франции, Фр. Хитцер из ФРГ, Неруда из Чили...

Пабло Неруда в своей книге «Признаюсь: я жил», тепло вспоминая эту встречу, пишет: «...Несколько дней я живу в доме писателя Симонова; с ним мы купаемся в теплых водах Черного моря.

Симонов показывает мне свой сад с прекрасными деревьями. Мне знакомы почти все, и стоит Симонову сказать, как называется дерево, я с чисто крестьянской гордостью замечаю:

— Такие есть и у нас в Чили. И эти — тоже. И вот те.

Симонов смотрит на меня, пряча насмешливую улыбку. А я ему говорю:

— Как жаль, что ты, быть может, никогда не увидишь дикий виноград в моем саду в Сантьяго, не увидишь тополей, позолоченных чилийской осенью, — такого золота нигде нет в мире! Если бы ты знал, как цветут у нас вишни и как душист чилийский больдо. Если бы ты видел по дороге в Мелитилью, как крестьяне раскладывают на крышах домов золотые початки маиса. Если бы ты хоть раз ступил в холодную чистую воду у берегов Исла-Негра. Но выходит, дорогой Симонов, что пока страны воздвигают преграды, пока они враждуют и стреляют друг в друга в «холодной войне», мы — люди — разделены. Мы взмываем ввысь на скоростных ракетах, чтобы приблизить небо, но все еще не можем обменяться братскими рукопожатиями на земле.

— А вдруг все изменится? — говорит сквозь улыбку Симонов и бросает камешек богам, погруженным в Черное море».

Константин Михайлович с Ларисой Алексеевной и детьми много раз бывали и у меня дома. Вся моя семья с радостью ждала прихода Константина Михайловича и встречала его как близкого, родного человека. Мои внуки Гунда и Леван подстерегали гостей, чтобы первыми открыть им дверь. Моя жена Тамара Константиновна старалась, чтобы на столе были любимые абхазские блюда Константина Михайловича. И стены нашей столовой не раз слышали голос Симонова. Здесь

он много раз читал стихи, здесь было много душевных бесед, смеха и веселья. Однако упорный и вдохновенный труд — вот что было самым главным в его жизни в Абхазии и чему я был участливым свидетелем. На книге «Разные дни войны» он написал: «Старому другу и давнему доброму свидетелю моих гульрипшских дел...», а на книге «Последнее лето» его автограф: «Книга, написанная в его владениях и созданном им воздухе дружбы...»

Мне кажется, что Константин Михайлович никогда не переставал интересоваться абхазской литературой, где бы он ни жил. Он откликнулся статьей в «Литературной газете» на публикацию в русском переводе древнейшего нартского эпоса — значительного события в культурной жизни Абхазии.

В 1960 году, узнав о смерти Дмитрия Гулиа, Симонов в Ташкенте написал статью «Черты облика». «Когда я думаю о Дмитрии Иосифовиче Гулиа, в глазах моих стоит маленькая и величественная Абхазия...» — так начинается эта статья. В ней дан образ «невысокого старика с широкими худыми плечами», у которого «сила была силой духа, выдержавшего в жизни многие испытания и не согнувшегося и перед последним — старостью...».

А когда в 1963 году в Сухуми открывался памятник Дмитрию Гулиа, Симонов на торжественном митинге сказал: «Мне даже трудно мысленно представить себе другого человека, который бы с такой силой любил страну и свой народ, как любил их Дмитрий Гулиа, и который имел бы такое же бесспорное право быть похороненным в сердце этой маленькой страны, которую он так любил и на благо которой так неутомимо работал...»

1974 год. Столетие со дня рождения Дмитрия Гулиа. Праздник начался днями абхазской литературы в Тбилиси, где некогда Дмитрий Гулиа преподавал в университете, где в 1912 году вышла его первая книга стихов. Города и села — вся Абхазия — торжественно и воодушевленно отмечают этот праздник. Константин Симонов, как всегда, с нами, он возглавляет делегацию из Москвы, выступает с речью на торжественном заседании, едет с другими гостями в родное село поэта — Адзюбжа, участвует в закладке парка имени Дмитрия Гулиа, посещает Литературно-мемориальный музей Дмитрия Гулиа...

Этот большой интернациональный праздник завершается в Москве. Зал имени Чайковского, торжественный вечер, председательствует Константин Симонов.

«Эта удивительная жизнь мальчика из абхазской деревни, молодого сельского учителя 90-х годов прошлого века, ставшего сначала великим просветителем своего маленького народа, а потом писателем и поэтом, известным

в громадной двухсотмиллионной стране, — такая жизнь, конечно, граничит с подвигом, а может быть, и является им...» — эти слова о Дмитрии Гулиа тоже принадлежат Симонову.

Интересы Константина Симонова в Абхазии не ограничивались только национальной литературой, он интересовался историей края, искусством, абхазским фольклором. Он исколесил всю Абхазию. В последний раз посетил село Лыхны. Его и меня пригласил Иван Ванача — кавалер трех орденов Славы, который встречался с Симоновым, когда снимался фильм «Шел солдат». Нас принимал у себя дома отец Ивана 110-летний Темур, участник первой империалистической войны, ныне лучший танцор ансамбля абхазских долгожителей.

Симонов все чаще приезжает в Гульрипши: ему, как всегда, работается здесь хорошо. Он всегда среди друзей, всегда в курсе всех литературных событий. Помню, Константин Михайлович был у меня дома. За обеденным столом попеременно читали стихи. Я читал по-абхазски, но потом кто-то из участников застолья пересказывал ему содержание стихов. Симонову очень понравилось одно стирохотворение, которое по его просьбе я прочел еще раз. Здесь же, по его настоянию, я сделал устный подстрочный перевод. Константин Михайлович записал его на свой портативный магнитофон.

На другой же день он прислал мне прекрасный перевод моего стихотворения, которое начинается строками:

Пьют за долгую жизнь мою,
А я словно не понимаю,
Со стаканом в руке стою
И весенний лес вспоминаю...

Мы не раз беседовали с Симоновым о художественном переводе. Я вспоминал его статью, напечатанную в «Литературной газете» еще в 1951 году. И сегодня остается актуальной высказанная тогда Симоновым мысль: «Почему-то о работе переводчика обычно говорят только в конце статьи, относя иной раз за его счет даже недостатки оригинала. Не отсюда ли идет вредная тенденция «улучшения» текста? Критик редко заглядывает в подстрочник и почти никогда — в оригинал». Он считал, что не следует проявлять поспешность в выборе произведений для перевода, то есть «не переводить их раньше, чем они станут устойчивым фактом родной поэзии для широкого круга читателей, читающих эти стихи на своем первоначальном, если можно так выразиться, языке».

При встречах мы обычно разговаривали о своей литератур-

ной работе. Константин Михайлович знал о том, что уже много лет я работал над историческим романом «Последний из ушедших». Каждый раз, приезжая в Абхазию, он неизменно спрашивал, как у меня продвигается работа, и я с удовольствием рассказывал ему об исторических материалах, собранных мной. В 1972 году роман был опубликован в журнале «Алашара». Константин Симонов находился в ту пору в Гульрипши. Я ему послал подстрочный перевод первой книги

К. Симонов и Р. Гамзатов на вершине Гуниба. Дагестан. 1956 г.

«Последнего из ушедших». Он за сутки прочел рукопись и дал высокую оценку произведению. При этом сказал, что, хотя он не занимается переводом прозы, он считает своим моральным долгом перевести эту книгу, поднимающую сложные исторические проблемы, и просил переслать ему в Москву другие части романа.

Бесной 1973 года Константин Симонов с Ларисой Алексеевной жили в Крыму, в санатории «Нижняя Ореанда». Здесь он закончил чтение подстрочного перевода всего романа. Ему оказалась необходима встреча со мной. Я приехал в Ялту, остановился в городской гостинице, в которой, как сооб-

щили мне с гордостью сотрудники, некогда останавливался Вл. Маяковский. Мы встретились с Симоновым. Несколько часов просидели над его замечаниями к роману. Среди них были и очень важные, которые я учел в окончательной редакции.

После деловой части нашей беседы Лариса Алексеевна и Константин Михайлович пригласили меня за город, в ресторан «Лесной». Это было в апреле. Природа только-только начинала пробуждаться. Наша машина поднималась кругами по извилистой дороге. Вокруг свежо и тихо. В ресторане было почти безлюдно.

Константина Михайловича, разумеется, узнали. Мигом все засуетились. Мы втроем сидели за столом, пили прекрасное крымское вино. Разговор о романе возобновился. Константин Михайлович с бокалом в руке поздравил меня с успешным окончанием «Последнего из ушедших», произнес здравицу, как он выразился, «за дальнейшую его жизнь». Сидели долго, уходить не хотелось, вспоминали друзей. Много говорили о Твардовском. Константин Михайлович писал тогда свои воспоминания об Александре Трифоновиче.

В конце 1973 года Константин Симонов и поэт Яков Козловский приступили к переводу «Последнего из ушедших». Под Новый год получаю телеграмму от Константина Михайловича: «Поздравляем, обнимаем, переводим».

Симонов всегда очень серьезно относился ко всему, за что бы ни брался. Работал самоотверженно, с полной отдачей. Казалось, своевольное время с робостью подчинялось его власти. Прежде чем приступить к переводу романа, Константин Михайлович прочитал большое количество исторического материала. Переводческая работа над романом его увлекла. Он и Яков Козловский много раз встречались со мною, советовались, обговаривали самые различные вопросы, возникавшие в процессе перевода.

После выхода романа на русском языке Симонова не раз спрашивали о том, что побудило его взяться за перевод исторического романа. Он ответил: «Хотя роман исторический, проблемы, поднятые в нем, должны волновать современников... Проблема романа — это проблема Родины и человека, трагедия потери не только своей земли, но и своего языка, культуры, будущего...»

Его дружеское участие, его благородную готовность всегда оказать поддержку товарищу делом и словом — а доброе слово в иную минуту помогает не меньше дела — я чувствовал и на расстоянии.

Как дорогие реликвии сохраняю я теперь письма Константина Михайловича.

«7/XI—76 года.

Дорогой Баграт Васильевич,

спасибо Вам большое сразу за все. Прежде всего за книжку Вашего «Избранного»...

...Я остался доволен и своим предисловием, которое на свежий глаз перечитал. Ваша гражданская и поэтическая позиция и Ваша последовательность в принципиальных для литератора вопросах позволили мне поставить и в предисловии некоторые, как мне думается, принципиально важные проблемы, выходящие за пределы этого предисловия к этой книге. За это я должен быть благодарен прежде всего Вам...»

И последнее письмо:

«7/XII—77 г.

Дорогой Баграт Васильевич!

Очень рад за Вас — за то, как достойно Вашей деятельности прошел Ваш юбилей. Рад тем добрым отзывам, которые он породил, рад тому серьезному и глубокому уважению к Вам и Вашей работе, свидетельства которого я встречаю в различных и не только литературных кругах. Всему этому я очень рад!

А грустно мне оттого, что я не смог приехать и обнять Вас в эти дни, и обменяться с Вами дружескими рукопожатиями, и сказать лично, а не заочно, то, что у меня на душе. Увы, врачи, по крайней мере на будущий год, а там — хотя они ничего хорошего и не обещают — все-таки поживем увидим, — нынче не разрешают мне ездить в Сухуми, как и вообще в другие места — жаркие и влажные. Хроническая пневмония, которую они у меня обнаружили, в этом году дала себя знать особенно жестоко, и поездка на конференцию в Болгарию, которую мне пришлось совершить посредине очередного воспаления легких, довольно дорого мне обошлась. Хорошо хоть, хватило сил все это время понемножку работать, и думаю, что к концу года допишу ту повесть, которую давно начал[1].

Сижу на даче, пока что на полупостельном режиме и стараюсь как можно реже оказываться в городе. Завидую своим детям, которые летят сегодня в Гульрипши и повезут с собою это письмо.

Обнимаю Вас, крепко жму Вашу руку. Целую руку Тамаре Константиновне, и самый сердечный привет всем Вашим близким — большим и маленьким.

Ваш *Константин Симонов*».

---

[1] Речь идет о повести «Мы не увидимся с тобой...».

Симонов много времени отдавал работе комиссии по грузинской литературе, председателем которой являлся. В конце марта 1979 года в Москве состоялись творческие вечера видных грузинских поэтов — К. Каладзе, И. Нонешвили, Д. Чарквиани, на Автозаводе им. Лихачева прошла читательская конференция и по моему роману «Последний из ушедших». Председательствовал Константин Симонов. На конференцию шел с волнением: я знал, что здесь предстоит встреча с читателями высокого уровня. Выступления были серьезными, и эта читательская конференция на всю мою жизнь останется мне памятной. Каждый раз, когда я вспоминаю этот вечер, перед взором возникает Симонов, стоящий за столом президиума, предоставляющий слово ораторам, дающий попутные комментарии, разъяснения. Так не спеша, непринужденно вёл он вечер...

На вечера грузинской поэзии в марте 1979 г. он приходил вопреки нашему желанию: мы видели, как он себя плохо чувствует, знали, что у него повышенная температура.

Примерно через неделю Константин Михайлович лег в больницу. Я посетил его. Мы долго сидели в палате; когда я вставал, чтоб попрощаться, он просил посидеть еще немного. Говорил о только что проведенных вечерах, о продолжении этих встреч в будущем... В разговоре он почему-то несколько раз возвращался к Абхазии, вспоминал Гульрипши, куда собирался приехать после того, как немного полечится в Крыму. Вспомнили вечер, который несколько лет тому назад мы провели в моем родном селении Члоу, в доме моих предков. Даже вспомнили белоствольный платан, под которым вечером долго сидели. «...Ночью перед сном мне почему-то показалось, что горы здесь совсем рядом, а утром вроде отдалились... — с грустью вспоминал Константин Михайлович. Затем тихим голосом добавил: — Как хочется пройти босиком по зеленой траве...»

Это была последняя наша встреча.

* * *

В самом начале своего творческого пути Константин Симонов писал:

Мы измеряем, долго ли ты жил,
Не днями жизни, а часами дружбы...

На протяжении всей своей жизни он оставался неизменно верным им же установленному своеобразному летосчислению, в котором главное — не прожитые календарные годы, а те минуты, те часы и дни, что остаются людям и только им.

Да, он жил у нас. И все живые нити, которые связывали многие годы Константина Симонова с Советской Абхазией, свидетельствуют о том, что он имел самое непосредственное отношение к судьбам абхазской литературы, к тому удивительному явлению, что эта, возникшая лишь в начале века, литература ныне вышла за национальные рамки и становится известной не только в разных уголках нашей Родины, но и за ее пределами.

Он писал: «Больших народов и маленьких народов нет, есть народы многочисленные и малочисленные. И это обстоятельство снова и снова подчеркивается каждым шагом вперед, который делает в развитии человечества наша коммунистическая культура, не на словах, а на деле борющаяся за истинное равноправие всех народов».

Все то, что сделал большой советский русский писатель Константин Симонов для культуры Абхазии, не исчезнет бесследно. Рука друга всегда оставляет добрый след. Наверно, то же самое могли бы сказать о Константине Симонове писатели других наших республик, ибо ему было присуще такое замечательное чувство, как чувство братства, называемое интернационализмом.

Вот почему светлая память о Константине Симонове дорога абхазскому народу, всей нашей Абхазской республике.

Я хотел бы закончить эти заметки моими стихами о К. Симонове[1].

Как жил ты на семи ветрах,
Так и остался жить без срока.
И ветру отдали твой прах,
И он понес его далеко.

В огне войны, в густом дыму,
Твой путь вперед был прям и светел,
Так пусть по следу твоему
Всегда несется этот ветер.

Пускай летит он на крылах
Твоей солдатской честной славы,
И пусть он понесет твой прах
На все границы и заставы.

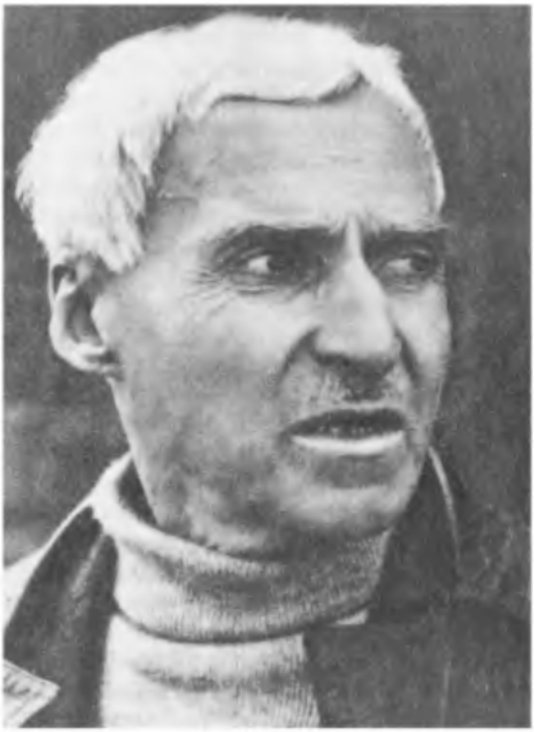
Пусть он ложится, словно пыль,
На обелиски, камни, плиты
Героев воинов.
Не ты ль
Слагал о них за былью быль,
Чтоб не были вовек забыты.

[1] Стихи перевела с абхазского Маргарита Алигер

Ты наше море видел в снах,
Тебя, как сына, горы ждали.
Пускай же долетит твой прах
И к нам в Апсны, из дальней дали.

На пике остром и крутом,
Куда лишь ветер долетает,
Стань вечным снегом, вечным льдом,
Который никогда не тает.

Будь выше облаков и туч,
Но пусть однажды в час рассвета
К тебе дойдет, как теплый луч,
Любовь абхазского поэта.



Берлин. 1978 г.

Фридрих ХИТЦЕР

РАЗГОВОР, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ КОНЧИТСЯ...

Мне тяжело писать воспоминания о человеке, много для меня значившем, тяжело — потому что если теперь я захочу спросить его мнение, захочу что-нибудь рассказать ему, попросить его о помощи, он не сможет мне ответить.

И мне еще тяжелее, и внутренне я не могу примириться с тем, что должен говорить о нем в прошедшем времени.

Есть писатели, с которыми хочешь познакомиться в надежде, что величие их произведений соответствует человеческому величию; если же это оказывается иллюзией, испытываешь сожаление, что узнал этого писателя близко, и даже делаешь над собой усилие, чтобы относиться к его литературным произведениям без предвзятости. Крайние противоречия, которые рождает наш век, могут породить, в свою очередь, глубокий разлад в человеческой личности. И отнюдь не только писатели используют маски, делающие их неузнаваемыми,

подчиняют любой ценой свою работу карьере и забывают о гуманизме.

Поэтому я счастлив, что мне выпало познакомиться в лице Константина Симонова с человеком и писателем, в котором ощущаешь такое глубокое единство слова и дела, работы и жизни, что это влияло и на меня, становилось частью моих собственных усилий, потому что помогало лучше постигать головокружительные противоречия нашего времени и учиться их преодолевать.

Но как же трудна моя задача!

Она трудна не только из-за необходимости искать верные слова и при этом относиться к пережитому с той мерой добросовестности, которая была присуща Симонову. Трудность эту усиливает не только мое недоверие к воспоминаниям. Ведь выбирая форму от первого лица, попадаешь на самый сложный уровень литературы — обретаешь статус свидетеля. А в чью пользу ты свидетельствуешь? В его? В свою? Какое дело защищаешь и перед кем?

Нет, взяться за перо меня заставляют не воспоминания. Дело в актуальности разговора, который продолжается; высказанное и продуманное в этом разговоре соединяет прошедшее и будущее, удерживает в памяти и развивает то, о чем я должен говорить с другими. Прежде всего есть тема, которая в малом и в большом охватывает всю планету и крошечное Я: биение сердца и работа мозга, заставляющие человека — из-за чувства бессилия и ужаса перед тотальным уничтожением — почти замолкнуть, а против этого нужно бороться всеми силами, чтобы не утратить чувство свободы и ответственности, сохранить способность ощущать радость, звучащую в творениях Бетховена и Шиллера, в великой песне, прославляющей победу человечества, мир и творчество.

У меня встречи с Константином Симоновым, чтение его прозы, лирики и публицистики, его дневников и писем вызывали чувства, которые одновременно были беспокойством и позволяли спокойно собирать свои силы. Его целеустремленность, его искусство запечатлевать историю в качестве летописца и поэта в те крайние моменты, которые требуют напряжения всех сил, определили мою жизнь уже тогда, когда я еще ничего не мог знать о них, и позднее, уже на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов, когда я уже мог знать, но отнюдь к этому не стремился, находясь под влиянием ложных исторических представлений.

Что могло получиться из мальчика, родители которого с трудом собрали средства, чтобы дать ему образование, а его учитель в школе в 1944 году посоветовал им, учитывая способности их сына, отдать его в школу Адольфа Гитлера (элитарное нацистское учебное заведение).

Наверное, важно, а может быть, в конечном счете и

неважно, что родители не последовали этому совету, несмотря на то что отец был членом национал-социалистской партии. Меня, однако же, берет ужас при мысли о том, что́ могло получиться из того мальчика, если бы Германия добилась «окончательной победы». Как могли противостоять родители искушениям фашистской демагогии, обещаниям «земли обетованной» в победоносном третьем рейхе?

Когда в «Разных днях войны» я читаю заметки о войне, сделанные весной 1945 года 29-летним Симоновым, который хотел понять, почему так много немцев пошло за Гитлером и выполняло его бессмысленнейшие приказы, то мне не приходит на ум почти ничего, что могло бы сравниться с этими заметками, по той точности, с которой в них развенчивается демагогия, обман и самообман, по способности открывать человеческое в том смертельном враге, который пришел из Германии. Я встретил конец войны десятилетним мальчиком в разбомбленном, лежащем в пепле и развалинах когда-то замечательно красивом старинном городе, который находился в американской оккупационной зоне, пока не была образована Федеративная Республика Германия. Прошло много лет, прежде чем я стал понимать, что мы были освобождены; понадобилось прожить еще годы и пройти много трудных, порой ведущих в тупики дорог, прежде чем я постепенно понял, кто предпринял самые большие усилия для этого освобождения, кто принес самые огромные жертвы.

И сегодня, когда повторяются симптомы, которые один раз уже привели к самой ужасной войне в истории человечества, думая о том, чему я научился или мог научиться у Константина Симонова, я не могу не воспринимать каждую прочитанную у него строчку, каждое слово, слышанное от него во время наших встреч, как задание, хотя он никогда мне его не давал.

И наш разговор никогда не кончится, пусть теперь я слышу его голос только на магнитофонной пленке.

«Откровенность за откровенность» — назвал я изданную мной в 1978 году книгу диалогов, полемических разговоров, обмена мнениями между людьми различных профессий в Федеративной Республике Германии и в Советском Союзе. Так назвал Константин Симонов свой ответ на «Открытое письмо одному советскому писателю, касающееся прошлого», которое направил ему Альфред Андерш.

«Откровенность за откровенность» — в этом-то я и видел свою задачу. Расставить в океане враждебности по отношению к Советскому Союзу вехи понимания, стремления научиться общаться друг с другом, делая упор на все то, что было торжественно подтверждено в Хельсинки.

Симонову я и рассказал о своей идее в его московской

квартире в декабре 1975 года, спросил его, как он относится к моему замыслу и не согласится ли принять в нем участие.

Мне не давала покоя идея, чтобы Константин Симонов, советский русский писатель, родившийся в 1915 году, вступил в открытый диалог с немецким, живущим в Швейцарии, родившимся в Мюнхене писателем Альфредом Андершем; оба они принадлежали к поколению моего отца, поколению, втянутому в Германии в истребительную войну против Советского Союза.

Константин Михайлович выслушал меня, не гася своей любимой трубки. Без предисловий, спокойно и деловито он объяснил мне, как, по его мнению, должен протекать диалог: «Один начнет. Лучше немец. Ведь это ваша идея. Я отвечу. А если участники еще раз захотят высказать свое мнение, пусть им будет предоставлена такая возможность».

Едва вернувшись домой, я написал Альфреду Андершу. Мы перезвонились. Голос его, который с 21 февраля 1981 года, к сожалению, можно слышать тоже лишь на пленке, звучал спокойно и сосредоточенно: «Это великолепно. Конечно, я включусь. И с условиями я согласен».

Не буду здесь касаться длинной истории осуществления всего плана. Не буду касаться и подробностей изнурительных переговоров с редакцией газеты «Ди цайт», напечатавшей полностью письмо Андерша, но во что бы то ни стало хотевшей в урезанном виде дать читателям великолепный ответ Симонова[1]. (Переписку, отражающую эту борьбу, которая закончилась нашей победой, я опубликовал в редактируемом мной журнале «Кюрбискерн», 1978, № 4.)

Невосполнимая потеря этих двух больших писателей, которые, принадлежа к одному поколению, ушли из жизни почти одновременно — с разницей в несколько месяцев, — каждый раз потрясает меня, когда я думаю, сколько еще при встрече этих двух людей, посредником между которыми мне посчастливилось быть, могло родиться драгоценных идей и предложений для дела мира и труда, на пользу всему человечеству.

В начале второго тома «Разных дней войны» (1942—1945) Симонов пишет о русском бургомистре, находившемся на службе у немецких оккупантов, о х и в и, как немцы называли коллаборационистов советского происхождения. Константин Михайлович пишет о том, как противен был ему этот человек. При этом на память ему приходят прекрасные слова Велимира Хлебникова о том, что Млечный Путь человечества, раз-

[1] На русском языке письмо К. Симонова опубликовано в его книге «Сегодня и давно» (М., 1978).

делился теперь на Млечный Путь изобретателей и Млечный Путь приобретателей. Того хиви Симонов относил к приобретателям.

Я не хочу философствовать на тему, принадлежит ли теперь мое поколение в большинстве своем к изобретателям или к приобретателям, однако подозреваю, что тенденция к приобретательству в ФРГ преобладает, и не только потому, что обстоятельства, существующая система человеческих отношений делают приобретательство самым заманчивым стилем жизни, но еще и потому, что мало у нас отцов, которыми можно было бы гордиться.

Как, к примеру, можно гордиться отцами, которым, правда, тяжело приходилось на фронте, но ведь все свое мужество они использовали для слепого повиновения, для осуществления идеи мирового господства, предполагавшей уничтожение целых народов, представителей которых, не долго думая, объявляли недочеловеками?

Тот, кто познакомится с творчеством Симонова, найдет, не будучи оскорблен в своем чувстве национального достоинства немца, пути к освобождению для себя самого и для других, когда прочтет о судьбах тех, кто нарушил планы людей, провозгласивших себя расой господ.

Константин Симонов писал так ярко и правдиво, что я не могу себе представить, чтобы кто-то относился к нему без доверия. И я бы очень хотел, чтобы его трилогия о войне была включена в учебные планы по изучению мировой литературы в нашей школе, а также преподавалась солдатам и офицерам бундесвера.

Конечно, это мое желание — пока иллюзия; и, конечно, мысль, что каждый его читатель будет относиться к нему с доверием, наивна.

«Чужого горя не бывает» — это название небольшого сборника симоновских стихов, посвященных борющемуся за свободу и независимость вьетнамскому народу, программно и противоположно основному закону мира капитала. Не может быть никакого сочувствия к чужому горю, если существование построено на приобретении предметов и удовольствий любой ценой, при любых условиях. Это и есть чрево того порядка, о котором Брехт писал, что «еще плодоносить оно способно», — чрево фашизма.

Когда мы встречались, темой наших разговоров всегда был вопрос о том, что можно сделать для того, чтобы преодолеть губительное влияние манипуляции мнениями и жизненными устремлениями.

Среди советских товарищей, с которыми мне посчастливилось встречаться, прежде всего Константин Михайлович Симонов и Михаил Ильич Ромм убедительно для меня и ярко показали дегуманизацию общества, привыкшего к чужому

горю, к катастрофам и преступлениям. Это было темой фильма Ромма «Обыкновенный фашизм», и во всех произведениях Симонова возникает вопрос о тех влияниях и силах, которые определяют мысли и действия людей, вопрос об освобожденном или обманутом.

«Я пробыл здесь всего несколько дней, — сказал я как-то Константину Михайловичу в его московском рабочем кабинете, — и отсюда, находясь в другом общественном климате, я чувствую еще отчетливее, чем у себя дома, на что толкает людей массовая манипуляция мнениями. Люди же в своих талантах и достижениях, в своих хороших и плохих качествах всюду схожи».

Симонов кивнул: «Когда я бываю на Западе, я испытываю похожие чувства».

Он испытал не единожды то, что я вижу каждый день и что стало для меня привычным. Уже в 1946 году в Сан-Франциско он выступил с речью, которая была проникнута мыслью о мире, о совместной антифашистской борьбе и о столь важной поэтому дружбе народов СССР и США... Симонов сказал тогда, словно предвидя сегодняшнее:

«Свобода совести — прекрасная вещь, но, к сожалению, некоторые американские журналисты понимают эту свободу совести как свободу не иметь совести».

В симоновском описании сцены, когда Кейтель подписывает капитуляцию, уже можно увидеть все будущие компоненты реваншизма. Молча сжав губы, Кейтель подошел к столу и, посмотрев на Жукова, перевел задумчивый взгляд на представителей западных держав, как будто хотел сказать: вот чего вы от меня требуете, разве вы не видите, что мы только ждем приказа выступить вместе с вами против русских?

Разве в тех строках, которые записал тридцатилетний Симонов в 1945 году в свой дневник, не заключено объяснение того, как формировались реваншистские силы, как возникли неонацистские организации, как произошла реабилитация Гитлера в многочисленных западногерманских публикациях, почему такой популярностью пользуются воспоминания в дешевых сериях бывших солдат рейха, прославляющие грабительскую войну романы Конзалика?

То, что Симонов фиксировал в 1945 году, давно стало сутью основных идей неонацизма и сил, способствующих его развитию. Многие симоновские слова 1945 года звучат сегодня особенно актуально.

Ни по одному вопросу Симонов не занимал позицию зрителя, присутствующего на волнующем спектакле. И уже во время нашей первой встречи в 1972 году в Мюнхене проявилось его стремление к активной деятельности, к поискам союзников в борьбе за разоружение и созда-

ние климата, который обеспечил бы мир и безопасность в Европе.

Константин Симонов (с ним были Лев Гинзбург и Александр Караганов) стремился завязать разговор с коллегами — представителями союза немецких писателей. Конечно, в отношении общих вопросов взаимопонимание было достигнуто, но уже тогда было ясно, что разговор не будет легким из-за демагогической кампании борьбы за «права человека» в социалистических странах, необходимо было преодолеть боязнь контактов, достигнуть конкретных договоренностей, и выполнять их, и выступать активно за то, чтобы в средствах массовой информации хотя бы упоминали о разумных инициативах, а не замалчивали их.

Я тогда впервые увидел, как спокойно, с каким достоинством реагировал Константин Михайлович на нападки задающих тон на литературной сцене ФРГ критиков.

Насколько терпелив Симонов, я имел возможность убедиться и тогда, когда переводил ему предисловие к первому вышедшему в ФРГ сборнику избранных произведений Александра Твардовского.

В 1972 году Константин Михайлович приехал на Франкфуртскую книжную ярмарку. Мы гуляли по городу, покупали подарки, встречались в роскошном отеле «Франкфуртер Хоф» с западногерманским издателем Симонова — Хельмутом Киндлером, который жаловался на то, как трудно распространять на Западе советского автора, который не устраивает у себя на родине никаких политических скандалов. А потом, сидя на скамейке перед одним из выставочных залов и греясь в лучах сентябрьского солнца, мы рассматривали издание Твардовского.

В моих ушах еще звучали слова, сказанные Симоновым о значении Твардовского во время одной дискуссии, происходившей весной того же года в итальянском ресторане в Швабинге.

— Для меня было бы очень важно, если бы вы поддержали это издание, Константин Михайлович, — сказал ему тогда Александр Кемпфе, переводчик и редактор сборника.

— Я охотно это сделаю, но как друг и почитатель поэзии Твардовского и в качестве председателя комиссии по наследству поэта, я хотел бы знать, на что делают главный упор издательство и редактор.

Кемпфе ответил взволнованно и искренне:

— В ФРГ Твардовский неизвестен как поэт. Его знают в связи с нашумевшим именем одного диссидента. На это надо идти, если хочешь сделать Твардовского известным.

Константин Симонов прокомментировал это весьма определенно:

— Никто не имеет никакого отношения к достижениям

Твардовского. Твардовский большой поэт, произведения которого знают многие миллионы людей, знают даже наизусть. Может быть, он даже значительнее Маяковского. Если вы приплетете к изданию Твардовского кого бы то ни было, я не поддержу этого издания.

Кемпфе реагировал бурно, он защищал сборник, наконец обратился ко мне:

— Ты ведь знаешь, что иначе Твардовский не пройдет.

Конечно, Кемпфе, вся жизнь которого посвящена созданию в ФРГ объективной картины достижений советской литературы, ни в коей мере не хотел умалить поэтических достижений Твардовского. Но он знал и своих издателей. Я попытался объяснить Симонову положение, в котором оказался Кемпфе, одновременно подчеркнув, что Симонов, безусловно, прав по сути.

Константин Михайлович твердо стоял на своем.

И вот полгода спустя перед нами лежал готовый том. На суперобложке книги можно было прочитать текст письма, в котором говорилось, что Симонов якобы одобрил западногерманское издание и его состав. А предисловие издателя содержало все то, против чего возражал Симонов.

Разве это не классический пример отчаянного стремления западногерманского переводчика быть объективным и в то же время вынужденного приспособиться к определяемому антисоветскими настроениями книжному рынку в ФРГ?

Эти и другие вопросы мы обсуждали, сидя в одном из залов книжной ярмарки во Франкфурте-на-Майне. Симонов время от времени кивал, комментируя тот или иной пассаж обстоятельного эссе, посвященного двум совершенно несоединимым писателям и людям. И снова ни одного ранящего слова или решительного отказа от попыток понять. Он ведь мог бы сказать коротко и ясно: не хочу больше иметь дело с этими проклятыми западными немцами.

Его доверием злоупотребили и тогда, когда без согласия автора издали роман «Живые и мертвые», сократив его на сто страниц (восстановленных лишь позднее, во втором издании). В письме, написанном мне Симоновым 14 июля 1977 года, когда хотели «ампутировать» его письмо к Андершу, он приводит некоторые примеры подобных случаев, в том числе с изданием Твардовского:

«...в 1972 году, например, издательство «Ланген-Мюллер-Хербиг», выпустив однотомник Твардовского, к которому я, по ряду причин, достаточно подробно изложенных мною в официальном письме в издательство, отказался писать первоначально запланированное в нем мое предисловие, — не постеснялось на суперобложке этого издания процитировать — без моего согласия — абзац из моего предварител-

ного письма в издательство, написанного в качестве председателя комиссии по литературному наследию Твардовского, вдобавок без моего согласия до неузнаваемости изменив эту цитату при помощи довольно ловко произведенного сокращения ее. В письме я писал: «По поручению комиссии и М. И. Твардовской хочу выразить наше общее удовлетворение тем, что в Вашем издательстве будет выпущен однотомник А. Т. Твардовского. Нам представляется, что это должно быть важным моментом в развитии культурных и литературных связей между нашими странами. Мы удовлетворены Вашим намерением базировать «Избранное» Твардовского на немецком языке на текстах пятитомного собрания сочинений А. Т. Твардовского, вышедшего в Москве и считаем такой принцип совершенно правильным и плодотворным».

Так вот из этой цитаты издательство сочло возможным вычеркнуть слова: «базировать «Избранное» Твардовского на немецком языке на текстах пятитомного собрания сочинений А. Т. Твардовского, вышедшего в Москве».

После такого сокращения дело выглядело так, как будто я одобрял в целом это издание, включая и сопровождавшее его предисловие, и комментарий, о которых у меня было совершенно иное и хорошо известное издательству мнение. Между тем как в моем письме речь шла всего-навсего о том, что я одобряю принцип перевода текстов с последнего, вышедшего в Советском Союзе, прижизненного издания автора. Разница, по-моему, достаточно ясна, так же как и цель, которая при этом преследовалась».

На меня всегда производило глубокое впечатление: сколько ни пытались злоупотребить благородством Симонова это не вызывало у него враждебности к стране, которая однажды уже показала, на что способны люди, исполненные ненависти и презрения к другим людям.

На книжной ярмарке 1972 года он только сказал:

«Ну да, они действуют любыми методами».

Это проявилось еще более отчетливо, когда в 1973 году «Ди вельт» опубликовала комментарий, посвященный сделанному Симоновым документальному фильму «Чужого горя не бывает». Спустя почти три десятилетия после 1945 года мы читали: «Константин Симонов, советский журналист, впервые обратил на себя внимание, когда, будучи в 1944 году военным корреспондентом, писал корреспонденции о высадке союзников в Нормандии. Западные журналисты говорили тогда о «симоновских сказках».

Недавно журналист Симонов вновь привлек к себе внимание Запада. Он является автором просеверовьетнамского фильма, снятого на Центральной киностудии документальных фильмов в Москве.

Один кадр фильма «Чужого горя не бывает» показывает

маленького мальчика, который одиноко сидит на рельсах. Советский текст гласит: «Маленький северный вьетнамец, чьи родители убиты жестокими американскими летчиками».

Москва недооценила память некоторых датчан, которые недавно смотрели этот фильм в Копенгагене. Они вспомнили, что видели именно этот снимок во всемирной истории Гриммберга, т. 16, стр. 20. Там подпись гласит: «Осиротевший ребенок в 1937 году, после японской бомбежки».

Константин Симонов послал опровержение в редакцию «Ди вельт», которое 7 февраля 1973 года я прочитал в «Литературной газете».

«Ненависть делает слепыми. Мне это вновь подумалось, когда я прочитал в «Ди вельт» заметку о моем фильме «Чужого горя не бывает».

Да, совершенно верно, один кадр моего фильма показывает маленького мальчика, который одиноко сидит на рельсах.

Только мой советский текст звучит совершенно иначе, чем это мне приписала «Ди вельт»: не «Маленький северный вьетнамец, чьи родители убиты жестокими американскими летчиками», а «мне было двадцать два года, когда японские самураи сбрасывали бомбы на китайских детей».

В 1937 году мне было двадцать два года, и именно о том времени я произносил слова, сопровождавшие этот кадр моего фильма о Вьетнаме.

Я сознаюсь, что не видел шестнадцатого тома «Всемирной истории» Гриммберга, но зато я видел журнал «Лайф» от 17.12.1971 года, в котором был напечатан именно этот кадр из моего фильма, фотография «маленького голого мальчика» с подписью: «Китайский ребенок, который потерял свою мать во время воздушного налета на Шанхай в 1937 году». Итак, ясно: «Ди вельт» опубликовала совершенно сознательную фальшивку, изготовленную по шпрингеровским рецептам.

Причина этой фальшивки очевидна: кому-то не понравилось, что датское телевидение показывало советский фильм «Чужого горя не бывает», фильм о бомбах, которые падают на маленьких детей.

Вот отсюда и попытка скомпрометировать фильм «Чужого горя не бывает», не испугавшись подлога.

Можно только пожелать, чтобы у редакции газеты нашлось еще достаточно совести, чтобы опубликовать это опровержение!»

Читатели шпрингеровской газеты так же напрасно стали бы дожидаться этого, как и читатели других буржуазных газет, чьи корреспонденты были аккредитованы в Москве и чьим редакторам стал известен этот факт.

Пренебрежение к чужому горю и совершенно сознательная ложь в первую очередь были направлены на моих согра-

ждан, которые не должны были узнать, о чем шла речь в этом фильме.

Я пересказал Симонову эпизод, о котором мне рассказала моя жена Сильвели. Один ее коллега, мелкий служащий и резервист бундесвера, откровенно заявил ей:

«Если ваш муж будет продолжать так себя вести, он попадет в черный список».

«Да он уже в нем», — ответила она, не давая себя запугать.

«Второй раз мы не проиграем. Теперь на нашей стороне американцы».

Она промолчала.

«И мы войдем в Москву, — заявил он с победным видом, — потому что второго Сталинграда не будет».

Выслушав мой рассказ, Симонов коротко ответил:

«Пусть попробуют».

В опубликованном сценарии фильма «Шел солдат...» Симонов напечатал рассказы людей, которые не остались беспомощными и бессильными, которые изведали страх, но нашли в себе силы остановить и победить фашизм.

Симонов приводит высказывания людей, которые, как и он сам, еще не известны большинству немцев в ФРГ; однако, если бы их мысли стали широко известны, сделались бы важны для большинства немцев:

«Я, думая о Родине, написал про эти три березы, но не обязательно березы!

Для украинца — тополя, для казаха — степь.

А для белоруса или для меня, русского, — березы.

Фашисты в годы войны чаще всего называли нас всех: «русс» — русские!

Но мы были не только и не просто — русские, мы были советские. Фашисты говорили, что они воюют с Россией, «Руссланд»!

Но они воевали не просто с Россией, а с Советской Россией.

А если еще точней — с Советским Союзом.

Фашисты в начале войны очень любили снимать в толпе пленных азиатские лица.

Дураки, — они считали нашей слабостью то, что было нашей силой. Силой нашего единства».

В своих мыслях и чувствах Симонов стремился выразить самое существенное. Когда он предоставил мне возможность посмотреть документальную серию, посвященную тем неизвестным, кого он стремился сделать известными, он спросил меня, какое впечатление произвел бы подобный фильм в ФРГ, если бы его показали по телевизору.

«Мы еще недостаточно сильны, чтобы добиться его показа. Но если его хорошо дублировать, он многих бы потряс и дал

бы повод задуматься о том, насколько лживы слова о «советской угрозе», — ответил я.

Точность и искренность, глубокая непосредственность при передаче пережитого, с которой Симонов ведет диалог с бывшими советскими солдатами, должна была бы привлечь тех немцев, а их немало, которые не хотят, чтобы их еще раз обманули.

Когда я летом 1972 года побывал у Симоновых в Гульрипши, на мой вопрос, почему он вновь и вновь обращается к теме войны, он ответил мне:

«Нельзя сказать, что я возвращаюсь к военной теме. Я ее просто продолжаю. Когда-то я уже ответил на подобный вопрос, что буду писать о второй мировой войне до тех пор, пока не будет исключена вероятность третьей мировой войны. А подобная угроза пока еще существует. Мне представляется необходимым напомнить о том, что значила вторая мировая война, что она принесла человечеству. По своей сути так называемая военная тема — это не только тема войны, но и мира, не только тема прошлого, но и будущего человечества. Каким будет это будущее? Будущее с войнами или будущее без войн?»

В то лето мы с Сильвели провели несколько дней в замечательной Колхиде, где когда-то аргонавты искали золотое руно — символ богатства и храбрости.

Гагра. Пицунда. Сухуми. Гульрипши. Побережье с богатой флорой и фауной, на фоне панорамы Кавказа, вблизи от истоков возникновения нашей цивилизации.

В Гульрипши, маленьком романтическом абхазском местечке, Симонов в течение двадцати четырех лет создал более половины своих произведений.

Дача — незаметный, спрятавшийся в деревьях и кустарниках домик, уютно обставленные комнаты, в соответствии со вкусами Симонова, на берегу Черного моря, — была бы идеальным местом, чтобы сконцентрироваться только на себе и на искусстве, чтобы забыть о том, что происходит в мире, как это делают некоторые мои соотечественники в Тоскане, в Южной Франции, потому что не в состоянии больше выносить конфликты и борьбу в Федеративной Республике.

Константин Михайлович сказал нам, как он представляет себе распорядок в те два дня, что мы должны были провести с ним и с его женой: утром он будет работать, а потом пообедаем вместе с ним, Ларисой и их дочкой. Все шло своим естественным порядком: работа, потом разговор, который я записал и позднее опубликовал в «Кюрбискерне», и незабываемая беседа за гостеприимным столом под вьющимся виноградом с великолепной абхазской и русской едой и прекрасным грузинским вином с его ни с чем не сравнимым сухим букетом.

И среди этой райской идиллии шел разговор о том, что́ не позволяет человеку отрешиться и просто наслаждаться красотой природы и превосходным вином.

Здесь работал, сознавая свою ответственность перед литературой, художник, который не искал уединения, чтобы замкнуться в себе или спрятаться от вопросов, затрагивающих наше будущее, а, напротив, стремился сконцентрироваться на том, чего он хочет добиться печатным словом.

В том месте побережья, которое связано с легендой об аргонавтах, я узнал от человека, убежденного в том, что люди могут разрубить узел, олицетворяющий понимание мира исключительно как дарованную слепой судьбой короткую передышку между войнами, в чем состоит секрет победы.

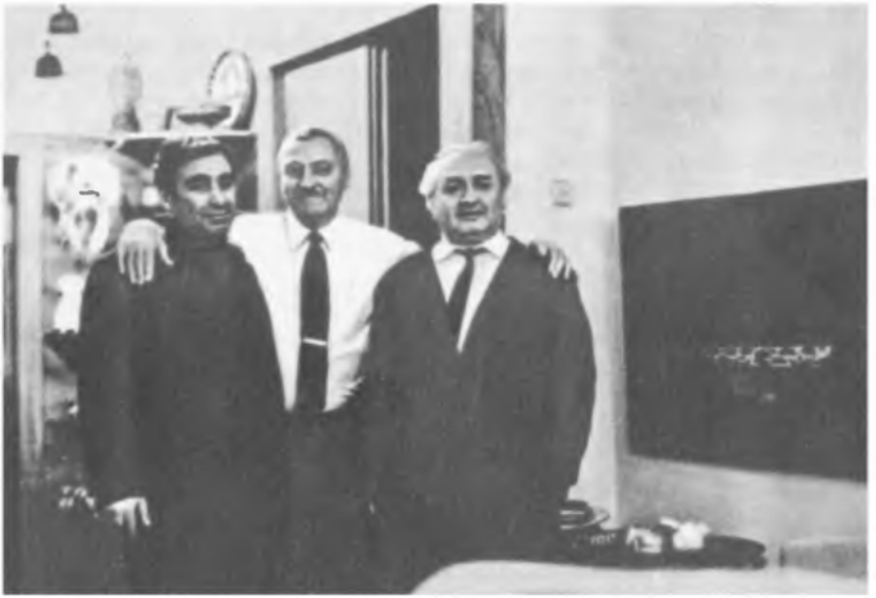
«Чужого горя не бывает» — разве в этих словах не выражена та естественность, с которой Константин Симонов связывал национальное чувство с интернационалистским? И, поскольку он был не одинок в своем чувстве, это вошло ему в плоть и кровь, это и было основой его характера, этим объяснялись его стойкость и солидарность с теми, кто защищает правое дело. Все это черты человека, который в годы, когда поколение моего отца (и сам мой отец) было превращено в оружие уничтожения, боролся за создание общности разных народов, включая и тех, что когда-то враждовали.

— У Симонова сразу чувствуешь себя как дома и очень свободно, — говорил мне Петер Вайс в Москве после длинного разговора на симоновской кухне в 1974 году.

Это значило: на него мы можем положиться. И это значило, что и у него должна быть возможность положиться на нас.

...Итак, разговор продолжается. С теми, кто по-своему и в свое время открывает все новые и новые измерения задачи, которая сформулирована в словах:

«Чужого горя не бывает».



Н. Думбадзе, К. Симонов, К. Каладзе. Москва.

Нодар ДУМБАДЗЕ

ВМЕСТО ВОСПОМИНАНИЙ

Дорогая Лариса Алексеевна!

Я не знаю, интересны ли будут мои скромные воспоминания о Константине Михайловиче, но память об этом дорогом человеке всегда со мной.

Я не видел его на смертном одре, и сейчас у меня такое чувство, что Константин Михайлович опять уехал в очередное путешествие, вот-вот вернется, подарит мне или вьетнамский шлем, или филиппинскую зажигалку, или английскую трубку с ароматным табаком и расскажет по-своему мудро, задумчиво и удивительно интересно о том, что́, кроме него, ни в какой стране и никогда другой не мог заметить и запомнить.

Он многому научил меня, а главное — критическому отношению к собственному творчеству, смелости в творчестве и к дисциплине в труде.

В Гульрипши он почти каждое утро спрашивал меня:

— Ты сколько страниц написал вчера, Нодар?

— Десять, — отвечал я.

— Мало! Хотя, если интересно написано, даже много! — говорил он.

На другой день я говорил, что написал двадцать страниц, — врал, конечно, мне стыдно было за свою лень, — но Константина Михайловича трудно было провести. Это был человек с огромным чувством юмора. Он просил меня прочесть то, что я написал.

— Дорогой Константин Михайлович, ведь я пишу по-грузински, — хитрил я.

— Ничего, если это написано вчера, я пойму и на грузинском языке, — улыбался он.

Помните, я строил камин, Константин Михайлович в день два-три раза приходил, давал советы. Подарил мне огромную свечу, которая и теперь стоит над камином, и когда она горит, у меня такое чувство, что это свет и тепло от Константина Михайловича. Я редко теперь зажигаю эту свечу: боюсь, что она кончится. Еще в этой комнате с камином он навесил двери и это мероприятие назвал так:

— Взнос в фонд помощи грузинским писателям у-дачникам (он обыгрывал слово «дача»).

У меня сохранилось письмо-стихотворение Константина Михайловича, которое он сочинил на заключительном заседании дней советской литературы в Грузии в президиуме. Вот оно:

«Товарищу Думбадзе (гульрипшскому) от Симонова (гульрипшского). Моему соседу справа (если ориентир море, а не формальные поиски в искусстве).

ПРОБА ОДЫ

Я живу на прочной базе!
Все б, наверно, так хотели!
Правый фланг — гараж Думбадзе,
Левый — Крепость Церетели.
Прямо — море,
Сзади — горы,
Посредине — тетя Дуся!
Я без пограничных споров,
Где хочу — там и пасуся!

С почтением
ваш К. Симонов (сосед)».

Помните то лето, когда Константин Михайлович писал «Записки молодого человека», — это про Великую Отечественную... Он давал мне читать рукопись. Потом признался, что книгу пробовал на мне, — заинтересует она молодого читателя или нет?!

— Это все чрезвычайно интересно, Константин Михайлович, но какой же я молодой? — удивился я тогда.

— Ты преждевременно в старики не записывайся, это очень вредно для писателя, — предупредил он меня.

Еще помните: я с берега реки Кетван привез две самшитовые трости: одну для Константина Михайловича, а другую просил передать Твардовскому...

— Вот я вам палки привез! — сказал я.

— Как тебе, Нодар, не стыдно такую прелесть называть палкой, — упрекнул меня Константин Михайлович.

Удивительного здесь нет ничего, но удивительно то, что через некоторое время я получил письмо благодарности от Твардовского, который буквально теми же словами упрекал меня за то, что я такую прелесть назвал палкой.

Еще я помню: Константин Михайлович и Твардовский до очень поздней ночи гуляли на берегу моря. Говорили о литературе. Я, конечно, молчал, но глотал каждое их слово.

Константина Михайловича обожали в Грузии не только писатели. Свидетелями этой любви были Вы и Саня, помните я вез Вас из Тбилиси в Гульрипши на своей машине? Мы тогда остановились на Рикотском перевале в ресторане «Цева».

Когда директор ресторана узнал, что у него такой почетный гость, он от меня ни за что не хотел брать денег.

Он поблагодарил Константина Михайловича за его книги. Я уверен, что он читал их.

О Константине Михайловиче можно вспоминать бесконечно. Я и все мое творчество очень обязаны ему, но я не хочу сейчас злоупотреблять Вашим великодушием и терпением.

Благодарю Вас, что дали возможность мне вспомнить кое-что о Константине Михайловиче, хотя незначительное, но у таких людей, как он, незначительных минут в жизни не бывает.

Когда я приезжал в Москву, он всегда спрашивал:

— Ты когда приехал, Нодар?

— Вчера!

— Надо отметиться, дорогой.

И я «отмечался», приходил в гости к Вам, и он своим гостеприимством мог затмить гостеприимство любого грузина, и если Вы разрешите мне, я всегда буду «отмечаться», ибо он оставил на земле огромный костер любви к Грузии и завещал всем нам иногда подбрасывать в этот костер дрова, чтобы он не потух во веки веков.

С глубоким к Вам уважением
Н. Думбадзе

31.III.80. Тбилиси

К. Симонов и Б. Горбатов. Гульрипши. 50-ые годы.

Ф. Гладков и К. Симонов.

К. Симонов, Р. Кармен. Красная Пахра. 1977 г.

К. Симонов и А. Твардовский. Гульрипши. 1969 г.

К. Симонов и А. Твардовский. Гульрипши. 1969 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Карпельцева. Детство 5
Евг. Долматовский. Некоторые страницы всей жизни 13
М. Галлай. Менялся и оставался самим собой 27
Михаил Матусовский. Как кончалась юность 33
Сергей Наровчатов. Из записей 40
Маргарита Алигер. Беседа 46
Борис Смирнов. В дни войны и в дни мира 64
Ю. Цеденбал. Слово о писателе-воине 72
Лев Славин. Штрихи к портрету 77
Д. Ортенберг. Каким я его знал 86
Эдуардас Межелайтис. ... И я вернусь. *Перевод с литовского Б. Залесской* 113
А. Караганов. Из давнего и недавнего 120
Жоржи Амаду. Сердце, бьющееся в ритме времени. *Перевод с португальского Т. Кочуровой* 133
Паава Ринтала. Обязывающее наследие. *Перевод с финского П. Куйвалы* 136

Ираклий Абашидзе. Несколько комментариев к повести «Двадцать дней без войны». *Перевод с грузинского Э. Елигулашвили* 139
И. Баграмян. Одна беседа 152
М. Зотов. Только факты 156
Борис Ласкин. Серьезно и шутя 177
Борис Агапов. Поезд на край света 186
Леонид Кудреватых. В Японии и после 201
Гаррисон Э. Солсбери. Его книги — памятник ему. *Перевод с английского И. Дорониной* 216
Александр Борщаговский. Жизнь, стоящая того, чтобы жить 221
Баграт Шинкуба. Он жил у нас 241
В. Косолапов. «Взрывчатая сила неравнодушия...» 255
З. Паперный. «Сплошная ледокольная работа...» 268
Азиз Несин. Письмо, которое не дойдет до адресата. *Перевод с турецкого В. Феоновой* 274
Л. Лазарев. «Как будто есть последние дела...» 279
Н. П. Гордон. Из дневниковых записей 307
А. Симонов. Три дня в июне 338
Стефан Хермлин. Мой ровесник. *Перевод с немецкого И. Щербаковой* 350
Леонид Иванов. История одной публикации 354
Мустай Карим. Воспоминания у кромки моря 364
Л. Финк. Сквозь сорок лет 372
Алексей Кондратович. «Всю жизнь любил он рисовать войну...» 381
Фридрих Хитцер. Разговор, который никогда не кончится... *Перевод с немецкого И. Щербаковой* 389
С. Капутикян. Наш добрый товарищ. *Перевод с армянского Т. Погосян* 402
Ирмтрауд Гучке. ...Плюс одно интервью. *Перевод с немецкого И. Щербаковой* 407
Хамид Гулям. В Ташкенте 411
А. Вулис. «Добрый покровитель злых сатириков...» 423
Бернард Котен. Три месяца рядом с ним. *Перевод с английского А. Симонова* 437
Роман Солнцев. «С товарищеским приветом — К. С.» . . . 443
Василий Субботин. Все было связано с войной 460
Юрий Чернов. Всего сорок минут... 468

Евгений Воробьев. «Дописать раньше, чем умереть...» . . 474
Нодар Думбадзе. Вместо воспоминаний 485
Михаил Ульянов. Надежный остров 498
Кирилл Лавров. ...Тот самый военный корреспондент 502
Олег Табаков. Хотелось ему подражать 507
Лео Кошут. «Дом друзей». *Перевод с немецкого И. Щербаковой* 511
Хельмут Киндлер. Почему я издавал его книги. *Перевод с немецкого И. Щербаковой* 523
Сергей Баруздин. «Очевидно, нам с вами нравятся похожие люди...» 528
Борис Филиппов. Наш председатель 539
Георгий Зубков. Негаснущая трубка 546
Д. Павлов. «...Не сглаживая острых углов» 556
Павел Козырь. В Одессе 561
Борис Панкин. Страсть к настоящему 569
Виктор Астафьев. По горячим следам 583
Герман Кант. Три встречи. *Перевод с немецкого И. Щербаковой* 591
Василий Песков. Камень под Могилевом 596

К 65 **Константин Симонов в воспоминаниях современников:** Сборник. — М.: Советский писатель, 1984. — 608 с.

В этой книге делятся своими воспоминаниями о Константине Михайловиче Симонове (1915—1979) крупные советские и зарубежные писатели, общественные деятели, военачальники, актеры, друзья Симонова.

К $\frac{4702010200\text{-}183}{083(02)\text{-}84}$ 18-83 8Р2

Составители

Лариса Алексеевна ЖАДОВА

Софья Григорьевна КАРАГАНОВА

Евгения Александровна КАЦЕВА

Константин Симонов
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Сборник

М., «Советский писатель», 1984, 608 стр.
План выпуска 1983 г. № 18

Редактор
М. Я. МАЛХАЗОВА

Художественный редактор
Н. С. ЛАВРЕНТЬЕВ

Технические редакторы
Т. С. КАЗОВСКАЯ,
Е. П. РУМЯНЦЕВА

Корректоры
Т. В. МАЛЫШЕВА,
А. В. МУРАВЬЕВА

ИБ № 3700

Сдано в набор 14.03.83. Подписано к печати 24.04.84. А02469. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Гарнитура Гельветика. Офсетная печать. Усл. печ. л. 38. Уч.-изд. л. 35,77. Тираж 150 000 экз. Заказ № 2136. Цена 2 р. 90 к. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5